

ДЕНИС ШПАК

ПРОЕКТ «НОВЫЙ БЕРЛИН»

Раскрывая
правду

Часть I

Конспирологический роман

Денис Шпак
Проект «Новый Берлин».
Раскрывая правду. Часть I

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33168319
ISBN 9785449079831*

Аннотация

168 часов для поиска ответов, и эскалации международного конфликта может не быть. 168 часов для завершения мировой эпопеи, начатой гитлеровскими безумцами 80 лет назад! 168 часов для того, чтобы открыть новую страницу в новейшей истории, и сделать это предстояло мне! Мог ли я подумать, что стану важной частью проекта «Новый Берлин»? Пришло время самому себе признаться в том, что я был соучастником беспрецедентного по своему размаху состязания за первенство в обладании инопланетными технологиями.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава I	7
Глава II	26
Глава III	46
Глава IV	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Проект «Новый Берлин».
Раскрывая правду
Часть I

Денис Шпак

© Денис Шпак, 2019

ISBN 978-5-4490-7983-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

*Что может быть по-настоящему ценным
и важным в человеческой жизни?*

*Такой является главная мысль романа
«Проект „Новый Берлин“: Раскрывая правду»*

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой своеобразный фантастический роман – первый из планируемого цикла «Проект „Новый Берлин“». В существующих классификациях фантастической литературы данное произведение, наверное, не найдёт своё определённое место. На страницах книги «Раскрывая правду» в интересном сплетении объединились конспирологические гипотезы с историческими фактами, каббалистические представления о мироустройстве с идеями, позаимствованными из раннехристианского мистического гностицизма, правда и вымысел. Кроме того, фабула романа призвана познакомить читателя в самых общих чертах с некоторыми философскими концепциями, а также мировоззренческой установкой, направленной на осмысление единства мира. По этой причине произведение можно отнести и к философскому боевику, и к религиозной фантастике, и к конспирологическому роману.

Книгу писал я в первую очередь для себя; писал о том, что хотелось прочитать мне. Но она будет интересной вдумчиво-

му читателю, ценителю философской фантастики, проявляющему определённый интерес к конспирологии и эзотерике.

В основу вымышленной «геополитической картины мира», представленной читателю в произведении, легли некоторые пророчества болгарской прорицательницы Ванги. Сразу хочу обратить внимание читателя на то, что сюжетные линии, переплетённые между собой в романе и связанные с раскрытием тайн проекта «Новый Берлин», найдут своё продолжение в следующих книгах одноимённого цикла.

Книга «Раскрывая правду» разделена на две части и включает в себя двадцать одну главу.

*С уважением,
автор.*

Глава I

Память людей – это незаметный след той борозды, который каждый из нас оставляет в лоне бесконечности.

Жозеф Эрнест Ренан

11.07.2025. Околосемная орбита.

Бешеная пляска приборов перед глазами закончилась одновременно с завершением гроыхающей прелюдии четырёх двигателей ракеты-носителя «Ариан-7». Навалившаяся свинцовая тяжесть, вдавившая моё тело в кресло пассажирской секции «Гермес»¹, внезапно выпустила из своих невидимых объятий, уступив место необыкновенной лёгкости и какому-то ликующему ощущению свободы. Рёв и неистовые вибрации вступления к пьесе космического полёта сменило успокаивающее адажио выхода корабля на околосемную орбиту. Перед глазами медленно проплыл чей-то планшет. Руки оторвались от подлокотников и лениво расплзались в стороны. Ожидаемое, но в то же время такое удивительное состояние невесомости! Три месяца подготовки к полёту в Европейском космическом Центре всё-таки

¹ Гермес – многоцелевой пилотируемый многоразовый космический корабль, проектировавшийся Европейским космическим агентством.

не смогли в полной мере подготовить меня к восприятию этого удивительного состояния. Но самое главное – к осознанию того факта, что я в космосе. Я – в космосе! Кто бы мог подумать в далеком 2011 году, что заурядный выпускник исторического факультета Одесского национального университета имени Ильи Ильича Мечникова, окажется в салоне космического корабля, стартовавшего на МКС-2 (факт существования которой был скрыт от мировой общественности), с секретной и не до конца ему ясной миссией? Вот такие мысли меня посетили первыми после того, как орбитальный отсек «Гермеса» отделился от гигантской двухступенчатой ракеты-носителя.

Слева вверху, на панели приборов, включился монитор внутренней связи. Нарисовалось широкоскулое лицо одного из пилотов, с микрофонной веткой гарнитуры у подбородка. Непроизвольно отметил для себя, в силу увлечения физиогномикой, стеклянный блеск в чёрных глазах вышедшего на связь.

– Ну, ты как? Живой? – холодно осведомился пилот.

– Живой, – ответил я, немного замешкавшись.

Угольный взгляд на минуту бесцеремонно воткнулся в мою переносицу.

– Нас встретят? – почему-то спросил я.

Затянувшееся молчание и отрешённый взгляд моего собеседника начинали озадачивать.

– Конечно, встретят, – наконец ответил пилот. – Ты у нас

важный груз. Через семь минут запускаем движок и берём курс на станцию. Конец связи.

– Конец связи, – закончил я странный диалог, и экран монитора потух.

Важный груз... Я усмехнулся. Интересный подход к определению моей личности. Армейский юмор, если предположить, что мой собеседник предпринял попытку пошутить, мне всегда был малопонятен. Да и вообще, наверное, следовало бы самому себе признаться, что с чувством юмора у меня не всё в ладах. Сказывались несколько лет, проведённых в малолюдных кабинетах Федерального архива Германии в Кобленце, Государственного архива России и Национального в Соединенных Штатах. Несколько лет кропотливой работы со странными по своему содержанию и даже пугающими для человека XXI века документами, доступ к которым был предоставлен очень немногим. Важный груз... Может быть. Действительно, я был единственным специалистом в своём роде.

Достав из кейса гибкую интерактивную пластинку своего досье, я вдруг отвлёкся от своих размышлений. Отодвинутая на периферию в моём сознании мысль о том, что я нахожусь в салоне космического корабля, вышедшего в космос, снова завладела мной. Открыв иллюминатор касанием сенсорной кнопки на панели кейборда у левой ручки кресла, я впился глазами в окно.

Огромная полусфера родной планеты, объятая голубым

свечением атмосферы, на фоне чёрной гуаши открытого космоса, поражала своей величием и мало поддающейся словам красотой! Из-под серебристой вереницы облаков с жизнерадостным блеском выглядывали вены рек и разлитые пятна озёр. «Должно быть, Восточная Сибирь», – загорелась мысль и тут же померкла перед панорамой открывшейся взору грандиозной картины поверхности Земли. Над планетой парил одновременно слепящий и в тоже время удивительно чёткий образ нашего могучего светила. Нет таких слов, чтобы передать охватившие меня чувства – смесь восхищения и страха! Творец, кто же ты?!..

Я иступлённо пожирал взглядом космический пейзаж, потеряв всякое чувство времени, пребывая в состоянии, близком к какому-то религиозному экстазу, как где-то вдалеке, за спиной, почувствовался лёгкий толчок выброса сжиженных газов из сопла двигателей корабля, который и вывел меня из транса. Итак, остались позади полгода, проведённых в Центре, несколько лет исследований, а далеко внизу – дом под Фрайбургом и любимая работа, которая, в конечном итоге, и привела меня на космодром «Куру» в Южной Америке.

Досье, зажатое в руке, словило луч солнца. Отразившись от гладкой поверхности графенового дисплея шальным «зайчиком», отблеск ослепил и заставил меня перевести взгляд на хитроумное устройство. Включив сенсорную клавиатуру, я выбрал банк хранившихся документов. Интерфейс растворился в ласкающих глаз синих красках и выбро-

сил диалоговое окно, предлагая выбрать документ. Автоматически коснулся ярлыка автобиографии. И хотя документ мне был знаком как свой собственный карман, я пробежался глазами по «строкам своей жизни». В памяти вспыхнули картинки прошлого. Почему-то вспомнился морской прибой. Одесский пляж. Порывы солоноватого морского ветра, заставляющие пенистую волну вновь и вновь штурмовать волнорезы, и, разбиваясь в брызги, пролиться прохладным дождём на бетон. Я родился в Одессе. Да, это город моего детства и студенческой молодости. Город, в котором я встретил свою первую и пока единственную любовь. Разбившуюся любовь. Но не забытую мной.

Свой первый вздох я сделал 12 декабря 1988 года. Родился ранним утром, в шестнадцатый день солнечного пути через созвездие Змееносца. Тринадцатый знак зодиака, как писали о том некогда древние маги и астрологи, долгое время оставался тайным из-за своей мистической природы и суеверного отношения людей к его порядковому числу. Согласно славянским мифам, представления о Змееносце были унаследованы Ариями, предшественниками нынешних европейских народов, от некой загадочной и исчезнувшей цивилизации. Занимательным является и тот факт, что созвездие Змееносца в восточном эзотеризме представлено в образе Кришны. Вспомнились изображения этого знака зодиака на страницах средневековых монографий по астрологии и оккультной философии, представляющие его в образе Змея с черта-

ми Скорпиона или Змея с чертами Стрельца. И сейчас мне сложно не согласиться с тезисом мистиков разных эпох о том, что человек, рожденный под знаком Змееносца, – заложник своей судьбы. Но вместе с тем его предначертанный путь всегда диковинный и невероятный. Поэтому сейчас меня мало удивляют и выбранные мной ремесло, и предмет научных поисков, и космическое путешествие с целью выполнения загадочной миссии, основательно профинансированной сразу несколькими «игроками» на политической арене Евразии.

Старательно вгрызаясь в «гранит науки» в университете, я нашёл свое призвание в изучении тайных страниц истории тоталитарных государств прошлого века, а именно: сталинской империи и гитлеровского «тысячелетнего» Рейха. В изучении вопросов, на которые официальной наукой были наложены «табу», и которые считались околону научными. Однако, несмотря на это, при выборе тем для магистерской работы кафедра всемирной истории одобрила моё решение посвятить своё исследование оккультной стороне деятельности Глеба Бокия – главы девятого отдела ГУГБ НКВД СССР в середине тридцатых. Но даже не выбор темы магистерской определил дальнейшие пути моих исследований. Тому послужила коварно брошенная любовь. Сентиментально? Может быть.

С Настей я познакомился в университете. И через год «гражданского брака» мы уже планировали свадьбу. Но её мечта усовершенствовать английский язык, непосредствен-

но окунувшись в языковую среду в США, и моя слепая вера в любовь положили конец нашим (по крайней мере, моим) грёзам. Она пообещала вернуться через год. Я поверил и отпустил. Ведь мы любили друг друга, а как могло быть иначе?! Но она не вернулась. «Америка стоит того», – последние её слова, брошенные мне в режиме видеосвязи по Скайпу. Полтора года не находил себе места, всё валилось из рук, пошатнулось здоровье, казалось, в подсознании не смолкал с ней диалог, разъедавший меня изнутри, пока в один прекрасный момент сокурсница не отвела меня к ворожке. И... Да, до сих пор помню бабкины слова, отразившиеся эхом в моем сознании: «Голубчик, а ты привороженный!».

Встреча с Настей была судьбоносной не только для меня. Мы были предназначены друг другу. Но её глупость привела её к непростительному поступку, который сломал её судьбу и внёс иные краски в мою. Именно так. Потустороннее вмешательство меняет судьбы людей раз и навсегда. «Она не устроит свою жизнь. Взяла большой грех на свои плечи. А твою судьбу не сломать. Непростая она. Своим путём ты пройдёшь всё равно и будешь там, где должен быть, но своё предназначение найдёшь теперь не здесь», – заключила бабка после того, как меня отчитала. Так и случилось. Нашел своё предназначение я уже в Германии.

Получив диплом магистра истории, я поступил в докторантуру при университете в Бохуме, удивительно быстро отыскав на просторах сайта DAAD профессора из ФРГ, ко-

торого не отпугнула тематика реферата иностранного лица в рамках намеченного диссертационного исследования. Развенчание мифа о сотрудничестве Гестапо и НКВД СССР и сегодня придётся многим не по вкусу, принимая во внимание тот факт, что история «коричневой» Германии в известной мере стала для немцев одиозной.

С немецким у меня ещё со школьной скамьи никогда не было проблем. Иногда даже ловил себя на мысли, что лёгкость и удивительная скорость в изучении этого языка обуславливается тем, что я, скорее, его не учил, а вспоминал. По крайней мере, рационального объяснения этому феномену у меня не было.

Итак, бросив вызов академическому конформизму в Рурском университете Бохума, я, к своему удивлению, с блеском защитил диссертацию, не лишённую, в каком-то смысле, эпатажности. Получив докторскую степень и подав заявление для получения права на постоянное место жительства в Германии, я какое-то время проработал в Бохуме. Но непонятная для меня жажда познания мистического наследия цивилизаций древности, вместе с желанием окунуться в иррациональный мир оккультных институтов Рейха, увлекали меня с каждым днем. Они-то и привели меня в несуществующий для большинства Мюнхенский институт парапсихологии.

Я искал ответы. Ответы на вопросы, которые мог найти за пределами жёстких рациональных схем и закоряченных

стереотипов современной науки. К тому времени, как начал работать в Мюнхене, я освоил санскрит, средневековую латынь, был хорошо знаком с древнесемитскими языками и европейскими алхимическими алфавитами эпохи Ренессанса. Бессчётные часы, проведённые в библиотеках за штудированием литературных творений средневековых мистиков, каббалистического учения в изложении Йегуды Ашлага, ведической литературы и различных руководств к оккультной практике, кардинально и бесповоротно изменили моё мировосприятие. Я находился на пороге формирования принципиально иного мировоззрения. Нет, не религиозно-мистического, как можно было бы предположить. Всё-таки я оставался учёным. Возможно, понятие интегрального мировоззрения, с точки зрения подхода Кена Уилберга², оказалось бы более подходящим. Но достаточно ясной дефиниции не предлагаю, да и, собственно, не задавался пока такой целью.

Нерешённым по сей день для меня остаётся вопрос, по какой причине меня тянуло в Карлсруэ – небольшой город в Германии в земле Баден-Вюртемберг, расположенный в окрестностях реки Рейн, недалеко от границы с Францией. Однажды я приехал туда. Побродил по тихому парку, окружающему Дворец Карлсруэ – миниатюрную копию Версальского дворца. Реальность расплывалась и теряла осяза-

² Кен Уилберг – американский философ, сформулировавший интегральную теорию сознания.

емые черты, когда состояние дежавю впервые застало меня врасплох в Ботаническом саду, сразу за парком. Размышляя за чашкой ароматного кофе, сидя в кафе на Кайзерштрассе, я интуитивно начал нащупывать какую-то ускользающую от моего сознания путеводную нить, брошенную мне из Тонких миров, в реальности бытия которых я к тому времени нисколько не сомневался. Но что же я искал в Карлсруэ?

Приезжал я в этот студенческий городок ещё неоднократно...

Течение мыслей вернуло меня в стены института парапсихологии в Мюнхене. Факт существования мифического института держался под семью замками немецкими спецслужбами, в частности службой контрразведки MAD. Следовало бы восстановить в памяти очерёдность событий, приведших меня в конечном итоге к работе над секретным проектом с кодовым названием «Новый Берлин».

В марте 2019 года я приехал на конференцию в университет имени Людвиг Максимилиана в Мюнхене. Все зимние месяцы я провел в архивах, как федеральных, так и частных, копаясь в прошлом замка Вевельсбург, превратившегося при Генрихе Гиммлере в символический центр «новой религии» Рейха. Собирал пазлы интересующих меня исторических фактов в единую мозаику. Работая с документальным материалом, мне посчастливилось «выудить» в семейном архиве семьи Краузе ссылку о местонахождении уникальных экземпляров из коллекции эзотерической библио-

теки Вевельсбурга и его Института древней истории. Отсюда, главной целью моего выступления на конференции была не презентация результатов проведённой работы – принципиально новых мазков в картину истории оккультного центра шефа СС мне внести не удалось – а поиск одобрения и, как следствие, финансирования намеченных поисков.

Известно, что ещё в 1934 году в тридцати километрах от города Экстернштайне, в Тевтобургском лесу, Генрих Гиммлер взял в аренду за символическую плату вышеупомянутый замок. В стенах древнего Вевельсбурга он организовал своеобразный культовый центр «расы господ», в недрах которого должна была родиться новая арийская вера. Религия, в основу которой легли языческие мифы древних германцев, постулаты «истинной» христианской теософии и оккультные теории XIX века. Но для историка ещё больший интерес представляли размещившиеся в замке несколько позднее эзотерическая библиотека, Институт древней истории, археологический музей и «Нордическая академия» охранных отрядов.

Несомненно, тема доклада оказалась не просто актуальной. Моё выступление затянулось на два с половиной часа. Вышли из тени забвения, стряхнув с себя пыль десятилетий, многочисленные загадки Третьего Рейха, не дававшие покоя нескольким поколениям историков. Загадки необычной экспедиции Третьего Рейха в Тибет. Тайны секретной экспедиции нацистов во французские Пиренеи с целью поиска Свя-

того Грааля – священной чаши, которой пользовался Иисус Христос во время Тайной вечери. Загадки странных операций отборных частей СС в Советской Карелии и многие другие. Конечно же, не обошли стороной и занимательный миф о нацистской «Базе 211». Строились любопытные гипотезы. Конференция начинала принимать квазинаучный характер, но нужно сказать, что для меня она оказалась судьбоносной.

Немалый интерес к результатам моей работы проявил доктор психологических наук, профессор Хартманн. После конференции он представился мне как глава отдела экспериментальных исследований немецкого института научной парапсихологии. Об этом институте прежде мне не приходилось слышать, но для меня было важным, что учреждение было готово взяться за финансирование предложенного мной проекта. Заинтересованность института в розыске вывезенных в конце войны рукописей мне была понятна. И специфика исследований, которыми занималась организация, в каком-то отношении соответствовала характеру моих изысканий последних лет. Кроме того, соблазнительными оказались условия контракта, что уж тут скрывать.

Многое можно было бы вспомнить, но главные вехи моей жизни, отражённые в автобиографии, сразу увлекли мысль к первому знакомству с проектом «Новый Берлин». Никакого немецкого института научной парапсихологии не существовало. Хартманн, впоследствии раскрыв мне сермяжную правду, камуфлировал истинные мотивы и своего «за-

казчика», как и следовало агенту тайных спецслужб. Открой он мне карты сразу, вполне вероятно, все мои старательно выстроенные конструкции действительности, багаж исторических знаний и системное мышление учёного, забившись в агонии умирающего, рухнули бы в один миг, сжавшись в безжизненный комок. И устав тут ни при чём. Правда, следует себе напомнить, что ещё несколько месяцев розысков в Аргентине вывезенных рукописей (а именно туда направили меня результаты работы зимних месяцев) не вызывали никаких сомнений в реальности научного института, финансировавшего экспедицию. И только после того, как стряхнув книжную пыль, в моих руках открылся заплесневевший фолиант (из предполагаемой коллекции библиотеки Вевельсбурга), возраст которого определить в полевых условиях было сложно, я понял, что коснулся не только энигмы³ истории человечества, а и оказался лицом к лицу с обескураживающей явью. Неприятный момент, связанный с предоставленной мне почти незамедлительно горькой правды обстоятельств, вспоминать не хочется. Да и сейчас в этом нет нужды. Даже пожелав в ту ночь откровений остаться в привычном мне мире простого человеческого бытия, я бы никогда не простил себя за упущенную возможность разгадать ребус подлинной истории прошлого столетия и истории человечества в целом. Мне нужны были ответы. И сидя за столиком беседки на ранчо в южноамериканских пампасах, лас-

³ Энигма – нечто непонятное; загадка.

кая взглядом бриллиантовую россыпь ночного неба, я погрузился в открытые мне тайны и загадки артефактов проекта «Новый Берлин». Мифическая база нацистов, с кодовым названием «База 211», как оказалось, имела место быть в конце Второй мировой. Я узнал о результатах комплексных разработок имеющихся данных отдела уфологических исследований Института оборонных исследований – ISL. Получил некоторое представление о шпионских играх англо-американского блока и своеобразного германско-российско-китайского «союза», но, само собой разумеется, только в том объёме, в котором мне полагалось знать. Мир мне в ту ночь казался сюрреалистичным...

Обнаруженная в частной библиотеке и выкупленная после довольно долгих переговоров рукопись, уникальность которой хозяин ранчо даже и не осознавал, подвергла в шок, наверное, только меня. Вытирая капли холодного пота со лба, я трепетно перелистывал пергамент. Открывшиеся мне знания в текстах на ведийском санскрите, распахнули двери в новую вселенную, в которой места прежнему «Я» уже не было. Дверь «старого мира» со скрежетом захлопнулась за спиной. И в Германию я уже вернулся другим.

Сама история приобретения сеньором Бессадесом фолианта и других книг, оказалась прозаичной и не заслуживающей ментальных усилий для того, чтобы восстановить её в памяти. Стоит лишь отметить, что в целом поиски завершились успехом – рукописи, подлинность кото-

рых не вызывала никаких сомнений, и ценность которых не имела себе равных, были доставлены в Мюнхенский институт. В разных уголках Аргентины были обнаружены редкие экземпляры Младшей Эдды, Ветхого Завета, сборников кельтских и древнегерманских языческих мифов, средневековой оккультной литературы неизвестных прежде авторов, а также уникальные документы высшего партийного руководства Третьего Рейха.

В декабре 2020 года я приступил к работе над секретным проектом «Новый Берлин». Тем временем экономический кризис, который грозил затянуться ещё на несколько лет, вместе с многочисленными терактами в ЕС и военным конфликтом в Тихоокеанском регионе, лёг на мир тяжелой печатью. Доллар и евро год за годом начинали обесцениваться, что, в свою очередь, неизменно отражалось на валютных курсах Европы. ЕС начинал медленно и уверенно крошиться. Депрессия, охватившая европейскую часть Старого света, отодвигала в моём сознании простые житейские проблемы на задний план. Поэтому я с головой погрузился в работу и перестал существовать для социума, как и он для меня. В то же время, вопреки ожиданиям экспертов, и не взирая на ухудшение параметров динамики американской и европейской экономик, Евразийский Союз набирал обороты, изменяя геополитическую расстановку сил. Как следствие, интерес и весь фокус внимания к закуливному прошлому Рейха постепенно переместился на Восток. К тому времени, ко-

гда я приоткрыл завесу тайн «Аненербе» и СС над антарктическим проектом, проблема загадок гитлеровской Германии, окончательно выпала из поля зрения европейских исследователей.

Итак, выполняя поставленные задачи, я оставил размеренную жизнь университетского учёного и всецело посвятил себя альтернативной истории. Исчез в «кроличьей норе» мира секретных организаций. Сейчас кажется забавным, но в первые месяцы работы в институте в Мюнхене я часто с юмором отождествлял себя с героем приключенческих фильмов Стивена Спилберга – Индианой Джонс. Правда, в отличие от доктора Джонса, я работал на некое тайное агентство вроде «Люди в чёрном». Но так и получилось. По своему «людьми в чёрном», жизнь и деятельность которых была невидимой для большинства, оказались научные сотрудники Мюнхенского института парапсихологии, в том числе и я – Владислав Александрович Гаевский. Кстати, до сих пор серии фильмов с участием Харрисона Форда об отважном американском археологе остаются любимыми.

Проблемы исследования, которое растянулось на три с лишним года, привели меня в архивы Европы и США, лаборатории секретных научных институтов и неоднократно бросали на ледяной континент. Не обошлось и без интриг со стороны американских спецслужб. Дважды приходилось браться за оружие, спасая свою жизнь. Но, коснувшись тайн «Базы 211» на ранчо в южноамериканской степи, после воз-

вращения в Германию я уже был готов к такому развороту событий. После углубления в задокументированную историю антарктической базы нацистов, рассказы о технологиях опередивших своё время, пришельцах и экспериментах в области генетики, уже не вызывали прежнего скепсиса. Но главное, впервые оказавшись в подземельях «Нового Берлина» во льдах Антарктики, я понял, что работал над нечто большим, чем просто компоновкой пазлов исторического материала в единую картину прошлого. Уже знакомый мне эффект дежавю, сопровождавший каждую мою вылазку в холодные лабиринты, пугал и одновременно подсказывал, что ответы на все мои вопросы лежали именно там – под толщей многовекового льда.

Снова вспомнился Карлсруэ...

Заметный толчок тормозных двигателей корабля вернул меня в реальность – в уютный мирок пассажирского отсека «Гермеса». Минутой позже включившаяся видеосвязь с кабиной экипажа окончательно развеяла пелену окутавших меня воспоминаний, унёсших сознание в забытье.

– Приближаемся к стыковочному модулю станции, – сообщил пилот. – Начинай упаковываться. В шлюзе воздуха не будет. Да, и отключи магниты на ботинках. В стыковочном коридоре полетаем. На левом рукаве чёрная кнопка...

– Знаю, – перебил я черноглазого. – Сколько времени до стыковки?

– Пять минут. Конец связи.

– Конец связи.

Закрыв автобиографию, я с удивлением для себя обнаружил, что никогда прежде не восхищался таким потрясающим и не до конца понятным свойством человеческой памяти – переносить в прошлое. Возрождая пережитые чувства, давно забытые голоса и оживляя картины былого. Казавшийся ранее таким очевидным известный афоризм британского фантаста прошлого столетия Герберта Уэллса: «Машина времени есть у каждого из нас: та, что переносит в прошлое – воспоминания; та, что уносит в будущее – мечты», теперь наполнился для меня глубоким смыслом. Впрочем, смыслом теперь наполнялось всё в моей жизни. Эзотерическим и иррациональным. Шаг за шагом, в моём предначертанном пути и особой судьбе Змееносца. Тринадцатый знак зодиака... Я усмехнулся. А ведь когда-то, в далёком шестнадцатом веке, под этим знаком появился на свет Мишель де Нострадам, более известный как Нострадамус – астролог, врач и алхимик, знаменитый своими пророчествами, удивлявшими в своё время мир. Тринадцатый знак. Скрытый и многомерный. Который имеет выход в иные миры. И если остановиться на последнем, то я полагаю, что он и был той космической доминантой, определившей всё от «альфы до омеги» в моей жизни. В том числе и проявившиеся в годы кабинетной работы в Мюнхенском институте парапсихологии экстрасенсорные способности.

Я снова взглянул в иллюминатор. Космолёт медленно

приближался к каким-то конструкциям секретной МКС-2, казавшейся на таком расстоянии невероятно гигантской, что вместе с панорамой чаши земного шара, закрывающей большую часть видимого космоса, усиливало ощущение крошечности «Гермеса». Свечение атмосферы, переливавшееся лазурью в лучах родной звезды, очертания суши и густые хлопья облаков и сейчас несказанно поражали воображение. Какими же незначительными, мелкими и даже смешными теперь казались ежедневные заботы и проблемы людишек, живущих там, далеко внизу, на земной тверди. Вся реальность современной мне жизни, всё человеческое мировоззрение и ценности, скатившиеся лишь до уровня постоянно растущего потребления, представлялись теперь такими ничтожными и глупыми. Секретные спецслужбы, конфронтации, кризис, война... Зачем?

Белый сияющий лик Солнца на фоне чёрного холста космоса завораживал, ослеплял и, тем не менее, приковывал к себе взгляд. Откуда-то из глубин моего подсознания, возможно, из самых древних пластов памяти моей души, выпорхнула мысль, которая так и норовила сорваться с губ: «Ну, здравствуй, Ра!».

Глава II

История – это вымысел, с которым все согласны. Перефразированный Вольтер

12.07.2025. Геостационарная орбита.

*Секретная Международная космическая станция
«МКС-2 „Горизонт“».*

Просторный кабинет генерал-майора BND⁴ Бишофа, защитившего не так давно докторскую диссертацию по истории «Штази»⁵, был наполнен ароматом жареного кофе и погружён в лёгкий полумрак. Портал широкого иллюминатора, открывшегося мне справа, выпускал взгляд в бездну ледяного космоса, усеянную искрами далёких звезд и пятнами желтоватой дымки туманностей. Завораживающее и одновременно пугающее зрелище бездонной пропасти никак не сочеталось с запахом комнаты жилого отсека орбитальной станции. Я невольно залюбовался увиденной картиной.

– Я до сих пор глаз не могу оторвать от этой... уму непо-

⁴ Bundesnachrichtendienst (BND) – Федеральная разведывательная служба Германии.

⁵ Штази (нем. Stasi), неофициальное сокращенное название Министерства государственной безопасности ГДР – тайная полиция, контрразведывательный и разведывательный (с 1952 года) государственный орган Германской демократической Республики.

стижимой бесконечности, когда открываю окно, – вдруг нарушил тишину кабинета тихий голос с хрипотцой.

Я обернулся. В кресле с высокой спинкой, в правом углу, за столом, сидел генерал-майор, скрытый сумраком кабинета, из-за чего я сразу его не увидел.

– К такому не привыкнешь. Хотя пошёл уже четвёртый месяц, как я на МКС... Здравствуйте, герр доктор. Прошу, садитесь, – офицер протянул мне руку, указывая на кресло у стола.

Металлические портьеры иллюминатора бесшумно закрылись. Включился свет, открывая мне крупное лицо агента с так называемым римским носом и волевым подбородком. Пронзительные серые глаза из-под густых бровей, которые уже давно тронула седина, неспешно окинули меня изучающим взглядом.

– Генерал-майор Рихард Бишоф, – представился он. – Кофе будете?

– Не откажусь.

– Как вам «Горизонт»? – поинтересовался штабист, подвигая тем временем мне чашку цилиндрической формы.

Ускользнувшие из чашки капли благоухающего напитка подпрыгивали выше привычного, разлетаясь в стороны из-за меньшей, чем на Земле, силы тяжести, которая обеспечивалась на станции гравитатором.

– Впечатляет, – признался я. – Как давно станция на орбите?

Бишоф улыбнулся и с довольным видом откинулся на спинку кресла.

– Давно, герр доктор. Давно. – Посмотрев на меня с нескрываемым интересом, он добавил: – Проектировать «Горизонт» начали еще в две тысячи двенадцатом. Но это лишь один из многих международных проектов Европейского космического агентства. Он нисколько не удивляет.

– А какие удивляют? – Я глотнул кофе, наслаждаясь растекающимся теплом напитка в груди.

Офицер с едва заметной улыбкой, тронувшей уголки его губ, продолжал с любопытством сканировать моё лицо. Я тоже изучал глазами агента. Редкие каштановые волосы с обильной сединой на висках, холодный отблеск серых глаз, глубокая ямка на гладко выбритом подбородке, массивная короткая шея – всё это выдавало в Бишофе нестигаемую силу воли, аналитический склад ума и несомненный стаж на руководящих должностях. На первый взгляд ему давно перевалило за пятьдесят.

– Герр доктор, прошу, обращайтесь ко мне по имени, – наконец начал генерал-майор. – Предлагаю перейти на «ты». Так проще. Позволите?

Я, соглашаясь, кивнул. Покрутив в руках чашку (моментом отметил для себя отсутствие обручального кольца) офицер продолжил:

– Я хорошо знаком с результатами твоей работы и читал твоё досье. Можно, конечно, потолковать о том да сём,

но я привык, работая с человеком, сразу переходить к делу. Отвечая на твой вопрос, – Бишоф слегка кашлянул, подыскивая слова, – хочу сразу обратить твоё внимание на то, что я не уполномочен отвечать на некоторые твои вопросы. И не нужно обижаться, правила игры ты не хуже меня знаешь. Но... – Глаза генерал-майора сузились: – В этой каше нам вариться вместе. Поэтому кое-что ты всё-таки должен знать.

Я отставил кофе, устроившись в кресле поудобнее.

– Ты давно уже работаешь над проектом, – говорил военный, – поэтому не мне тебе рассказывать, что реальный мир устроен иначе, чем кажется простому человеку. Какие космические проекты тебя могут удивить? Да, наверное, никакие. Если бы ты только пришёл в институт в Мюнхене, тогда бы я ходил вокруг да около, выдумывая как тебе всё это рассказать. Но ты уже бывалый.

Бишоф пожевал губами, задумчиво глядя на меня. Было видно, что агент мысленно решался поведать мне то, о чём, возможно, знать мне и не следовало. Вдруг, наклонившись вперёд и скрестив руки на столе, офицер пристально посмотрел мне в глаза.

– Ты веришь в ангелов, Влад?

Вот такого вопроса я никак не ожидал. Немного опешив, я кивнул головой:

– Верю. Знаю и верю в Многомерность Вселенной.

Серые стальные глаза меня внимательно изучали. Минуту

помолчав, Бишоф протянул:

– Итак, тебе давно известно о планах фюрера и нацистской элиты в конце сороковых в отношении Антарктиды.

Вопрос об ангелах сразу выпал из сознания. Холодный голос генерал-майора стал почти ледяным, однако не потерял своей неизменной учтивости:

– Не буду повторять и так тебе известное, Владислав. Кстати, благодаря именно твоим исследованиям мы существенно продвинулись в изучении «Базы 211» и, в частности, её двенадцатой зоны. Но без предыстории, неизвестной тебе, не обойтись. А касается она не Антарктиды. И даже не родной нам Земли. Касается она – нашего естественного спутника. Который, нужно признать, при имеющихся у нас данных, более похож на искусственный объект.

В глазах офицера зажглась какая-то голубоватость. Откинувшись на спинку кресла, смягчившись в голосе, он продолжил:

– По сути вопроса, всё началось даже не с «Базы». Она долгое время была лишь путаным комком артефактов, объяснения которым не было, пока не пришел в институт – ты. Антарктида была своеобразным ключом или, может... – Штабист потёр висок. – Путеводной нитью, скажем. Началось всё с нашумевших в своё время снимков обратной стороны Луны, сделанных американским зондом Кассиопея. По крайней мере, это то, что мне известно. В прессе тогда поднялась шумиха – ты об этом должен помнить. Снимки

просочились в интернет, но вскоре о них быстро позабыли, по понятным нам причинам⁶. Подлил масла в огонь Родован Томовичи, утверждавший, что нацисты на Луне пребывают уже с конца сорок пятого. Сейчас широко известна программа Ганса Каммлера, целью которой был захват контроля над орбитальным пространством. И Слава Богу, что планам Гитлера не суждено было осуществиться! – Бишоф отпил кофе. – Потом фотоснимки Ричарда Хоугленда, бывшего сотрудника НАСА, попавшие в сеть⁷, заставили наши спецслужбы серьезно отнестись к изучению этого вопроса. В России в архивах КГБ кое-что нашлось, и в библиотеке Хьюстонского отдела НАСА тоже было чем поживиться. Сооружение под куполом в кратере Риттер, в районе посадки «Аполлона 11», место-то ведь было выбрано не случайно, вскоре прибрали к рукам Штаты. Вся информация засекречена. Что нашли там американцы – неизвестно. Сегодня этот купол с бортов околулунных зондов и лунохода можно увидеть. Там какой-то полуразрушенный комплекс. Но Штаты упрямо не желают идти на контакт. Год назад даже пришлось популять в наших американских «коллег» барионами⁸, когда моя разведгруппа высадилась недалеко от кратера.

⁶ Речь идет о фальшивых снимках лунного кратера Шредингера, якобы сделанных зондом Кассиопея. На снимках на дне кратера видны искусственные сооружения в форме свастики.

⁷ Речь идет о подделанных фотографиях «Аполлона 10» и «Аполлона 16», на которых виден лунный «город» с прозрачным куполом.

⁸ Барион – сверхтяжелая частица.

– Популять?.. На Луне? – от удивления мои глаза едва не полезли на лоб.

– Посадка «Аполлона 11», – говорил военный, пропустив мимо ушей мою удивленную реплику, – можно полагать, была не первой. Вернее, первой удачной. Как и в Советском Союзе, полет Юрия Гагарина был не первым. Да и собственно, СССР, судя по всему, не был пионером в освоении орбитального пространства в двадцатом веке. Есть все основания полагать, что нацисты вывели человека в космос уже в сорок третьем. А в шестьдесят четвертом стартовал совместный советско-американский проект высадки астронавтов на Марс, который, увы, закончился по ряду исторических причин трагично. В целом. Если не вникать в детали. – Генерал-майор покачал головой. – Может помнишь шокирующее признание отставного морпеха в две тысячи четырнадцатом в интервью для британской газеты «Дэйли Мирор?». Правда, надо полагать, он сознательно указал неверную дату старта. Его тогда все приняли за сумасшедшего. А «Служба защиты Земли», между тем, давно существует и реализовала целый ряд космических проектов.

– Вы сказали Марс? – я не верил своим ушам.

Бишоф пристально уставился на меня. Прищёлкнув языком и немного помешкав с ответом, он констатировал:

– Мир, в котором живут люди на Земле, – мир ложных представлений и заведомо искажённых знаний. – Он слегка склонил голову набок: – А мне показалось, ты был готов.

Я, наверное, выглядел обескураженным. Но мой мозг, действительно, столкнувшись с предоставленными мне сведениями, с трудом принимал информацию, уместя её в рамки моих познаний и картины моего мира.

Я пожал плечами:

– Не просто вот так сразу принять услышанное и в одно мгновение уложить в уме. Вам, генерал-майор, должно быть, в своё время тоже было нелегко осознать ложность нашей истории.

– Да, ты прав, – немного задумавшись, согласился офицер. Помолчав минуту, Бишоф развернулся в кресле и наклонился к одному из ящиков стола.

– И всё-таки Влад, давай на «ты». Договорились? – военный вытащил тонкую пластину полупрозрачного планшета.

– Договорились, – ответил я.

Включив сенсорную панель кнопок, Бишоф быстро нашел искомый документ.

– Знания, которые открылись тебе в древнеиндийской книге, купленной у сеньора Бессадеса в Южной Америке, помогли нам понять предназначение каменных артефактов двенадцатой зоны. Я читал в своё время твой отчет. Это, действительно, дверь между базами в Антарктиде и на Луне в кратере Шредингера. Другими словами, – телепорт. Вот каким образом гитлеровцы оказались на обратной стороне Луны. Хотя тебе, как историку, должно быть известным о военных разработках нацистов к концу войны, которые вполне

позволяли им достигнуть Луны привычным нам путем. Так вот. Откуда взялся этот портал и почему именно там, выяснить, как ты знаешь, пока не удалось. Но кое-что мы нашли.

Штабист ткнул пальцем в планшет и, раскрыв какие-то фотографии, показал их мне.

– На что похоже?

Я взял в руки протянутый мне десятидюймовый Web-блокнот и взглянул на снимки. На первый взгляд – ничего необычного. Ожидал нечто более диковинное. С экрана компьютера на меня смотрел самый обыкновенный полупрозрачный, с металлическим отливом, двенадцатигранный аналог кубика Рубика, разместившийся, судя по всему, в условиях невесомости в центре какой-то комнаты.

– Похоже, додекаэдр? – немного растерявшись, предположил я.

– Именно.

Я поднял глаза на офицера, ожидая увидеть ироничную ухмылку или нечто похожее, но никакого намека на глум в глазах Бишофа я не увидел.

– Даю голову на отсечение, что понимаю твое недоумение, Влад, – поспешил заверить в серьезности представленных снимков генерал-майор. – Центр долго не мог разобраться что к чему, а главное – из какого материала сделаны эти многогранники...

– Стоп! Их несколько? – перебил я.

Взгляд Бишофа вдруг сделался каким-то особенно прон-

зительным:

– Тебе что-то о них известно?

На мгновение перед глазами поплыли круги и мелькнули незнакомые образы, однажды увиденные мной в состоянии забытья, когда я впервые спустился в холодные лабиринты подземной антарктической базы. Также искромётно, как и появилось, наваждение рассеялось.

– Когда-то я видел такие, – неуверенно пробормотал я. – Привиделись в состоянии дежавю, или что это было, когда я впервые оказался рядом с двенадцатой зоной в «Новом Берлине».

Офицер пожирал меня оценивающим взглядом. Снова пожевав губами, он взял из моих рук планшет и продолжил:

– Их несколько. Все были найдены в одном из павильонов лунной нацистской базы, которую окрестили «Шварц Зонне⁹». Сохраняют стабильное состояние только в условиях невесомости. При воздействии сил земной гравитации мгновенно распадаются на молекулярном уровне. Поэтому доставить их в целости на Землю не представляется возможным. Кроме того, они не желают находиться вместе, вернее... – Штабист, на мгновение задумавшись, почесал бровь. – В общем, вся наша аппаратура перестает нормально работать, из-за чего объекты стараемся держать подальше друг от друга. Но самое интересное началось после того, как несколь-

⁹ Schwarze Sonne (нем. «Черное солнце») – фантастическая секретная база Третьего Рейха на обратной стороне Луны.

ко экземпляров были переправлены на «Горизонт», и наши специалисты попытались их просканировать. Оказалось, что они непрозрачны для большинства известных нам волн, но главное, при непосредственном контакте с человеком начинают испускать какое-то излучение. Многогранники буквально наливаются светом.

Офицер начал взволнованно излагать умозаключения, как собственные, так и специалистов, работающих с найденными объектами, о природе и загадочных свойствах лунных кубиков. Повествование агента затянулось на целых полчаса, но предоставленная информация оказалась настолько захватывающей, что ощущение времени как будто затерялось где-то на окраинах моего разума. Я узнал о результатах экспериментов, проведенных на орбитальной станции, которые породили больше вопросов, чем ответов. Рассказ Бишофа коснулся и остросюжетной истории обнаружения многогранников на нацистской базе в кратере Шредингер.

Закончив рассказ, офицер устало протер глаза рукой и допил свой кофе.

– В общем, выяснилось, что многогранники представляют собой какую-то крайне запутанную топологическую фигуру. Рентгеновские лучи, попадающие под определенным углом, дробятся на бесконечное множество и в пределах додекаэдра выписывают немислимые траектории.

– А при контакте с человеком что происходит? – спросил я.

– В присутствии человека мыслефон бешено начинает реагировать и записывать нескончаемый поток различных комбинаций из единиц и нулей. И...

Остановившись на этом неприятно многозначительном «и», Бишоф достал из невидимого ящика стола серый платок и промокнул лоб. Образ уверенного в себе респектабельного офицера таял на глазах. В эту секунду я понял, что это оборванное «и» каким-то образом коснётся меня, поэтому внутренне напрягся. Обдумывая свои последующие слова, генерал-майор покачал головой и вздохнул:

– По-другому сказать не получится, Влад. Два наших парня сейчас в состоянии комы. Но ты не спеши с выводами. Слабыми своей биополярной силой они оказались для этих «кубиков Рубика». Нам нужен такой человек как ты! – заключил он после секундной паузы.

Я приподнял правую бровь:

– Откуда такая уверенность, Рихард?

– Я хорошо знаком с твоим досье и давно слежу за тобой, – уклончиво, но многозначительно ответил Бишоф. – Как только ты привёз тот древний манускрипт и начал работать в институте, мы поняли, что именно ты приведёшь нас к разгадке тайн «Базы». А потом... – агент опустил взгляд на свою чашку, покрутив её в руках. – А потом, твои способности к экстрасенсорике подтолкнули нас к мысли воспитать тебя, скажем, как спецагента и подготовить к работе на «Горизонте». Ты уж прости, – генерал-майор кашлянул,

поднимая взгляд, – но мы, как и ты, выполняли свою работу, каждый в рамках своих полномочий. И не спеши это называть «использованием в тёмную». Нет. Проект секретный. Профессор Хартманн ещё там, в пампасах, тебе рассказал, в какие опасные игры наши службы играют. Да и ты... как бы это сказать... – Бишоф иронично хмыкнул. – Успел в Штатах поиграть в шахматы с агентами ЦРУ.

– А кто это, собственно, «мы»? – спросил я.

Штабист почесал щеку.

– Ну, тут тайн для тебя никаких нет. Как тебе уже известно, я возглавляю Отдел космической разведки БНД. Именно моя служба, вместе с немецким военно-космическим Центром, курирует этот проект. Институт в Мюнхене, в котором ты провёл три года, работает как раз на этот Центр.

– Да, мне это известно, – кивнул я.

– А в целом, в игре задействовано много фигур. С нашей стороны – это частично университет в Бохуме. Ведь не просто так заинтересовались твоей докторской, – Бишоф многозначительно подмигнул. – С российской – Центр эниологии и научной парапсихологии. С китайской – ГРУ Генштаба НОАК. Наши коллеги, будем так говорить. Но «Поднебесная» – союзник непростой. Ведёт свои тёмные игры.

Я задумался. Почему-то вдруг захотелось курить. Давно брошенная привычка оживила в памяти забытый привкус табака и ощущение наполняемости легких сигаретным дымом. Несколько минут я сидел молча, обдумывая услышан-

ное. Бишоф также молча изучал моё лицо. Наконец, улыбнувшись сухой бесцветной улыбкой, он спросил:

– Перейдем ближе к делу, или тебе еще нужно время?

Я посмотрел на офицера. В невозмутимом взгляде серых глаз, как мне показалось, зажёгся легкий огонёк раздражения.

– Ближе к делу, – ответил я. – Можно попросить ещё кофе?

Бишоф усмехнулся:

– Конечно. Покрепче?

Я кивнул.

– Ты прав, так лучше думается. Кофе шикарный – высший сорт. Привёз из Уганды, – генерал-майор встал из-за стола и, направившись к стене слева от меня, нажал невидимую кнопку, отворившую барный отсек.

Пока офицер был занят приготовлением напитка бодрости, я, оставшись наедине со своими мыслями, анализировал полученную информацию, пытаюсь связать её воедино с уже имеющейся. Лунные базы нацистов... Совместный советско-американский проект шестьдесят четвертого... Многогранники, несомненно, внеземного происхождения... Открывшиеся мне сведения о неизвестной мне прежде стороне проекта, конечно же, поражали своей невероятностью, шокировав вдребезги разносили привычные представления и, главное, отвлекали от преждевременных вопросов. Я это прекрасно понимал. И интуитивно ощущал, что во внешне

стройной картине рассказа агента всё-таки чего-то не хватало.

– Итак, Влад, – начал офицер, усевшись в своё кресло и протянув мне чашку, – я уже догадываюсь, какими первыми будут твои вопросы. Ты человек умный, но повремени с ними.

Я промолчал. Почувствовав лёгкий озноб от невесть откуда взявшейся странной тревоги, я обхватил горячую ёмкость, наслаждаясь теплом, расплзающимся в моих пальцах.

– Факты остаются фактами. Вопросов много, а ответов мало. Остановимся пока на самом главном. А именно – на твоей работе на станции. – Штабист шумно хлебнул кофе. – По какому-то фатальному совпадению ты первым понял значение найденных двенадцатигранников, ещё не зная об их существовании на «Шварц Зонне», в то время, как мы их только нашли.

У меня округлились глаза:

– Что?

Бишоф тихо рассмеялся.

– Да, Влад. Когда тебя допустили в подземелья антарктического бункера, ты был уже на прослушке, и за тобой велась слежка. Нами же, не переживай. Но так как ты человек замкнутый, до этого момента ничего интересного не происходило. – Засияв не очень лицеприятной улыбкой, он продолжил: – В свою первую ночь во льдах на базе ты бредил.

И как раз в это время там, на обратной стороне Луны, наши ребята наткнулись на эти «кубики-рубрики». Так вот. Обронив в бреду фразу «Свет памяти людской сокрыт в двенадцати границах», ты нам подсказал, чем могут быть эти находки. Может быть, правильнее будет – подсказал, что применить к ним. Эм-м, – Бишоф, откинувшись в кресле, забарабанил указательным пальцем по столу, – как бы... Конечно, твоя вот такая своеобразная подсказка не сразу была связана с объектом. В общем, нужно отдать должное нашим специалистам, цифрового материала было получено немало, но вот беда! Расшифровывать запись мыслефона – дело трудоёмкое и долгое. Ты, конечно же, понимаешь, о чём я?

– Я, конечно же, не совсем понимаю, о чём ты, – учтиво отпарировал я.

Бишоф недовольно хмыкнул.

– Мыслефон – техническая новинка, записывающая человеческие мысли в виде математических символов...

Офицер принялся растолковывать технические характеристики устройства с таких азов, что я скоро потерял интерес к его речи. Многое мне было известным. Мыслефоны не находились в свободной продаже, и, в основном, использовались в судебных делах и криминалистике.

– ...человеческая мысль – это своего рода электромагнитный импульс, который можно записать, но вот на расшифровку, как я уже сказал, уходит уйма времени. А многогранников на объекте было найдено много, поэтому-то и решили

привлечь к этой работе именно тебя. Ты меня слушаешь?

– Не могу сказать, что твои доводы меня убедили, – поднял я глаза на генерал-майора.

В глазах моего собеседника зажглось что-то негодующее. Отхлебнув кофе, штабист облокотился на стол и прочеканил:

– Владислав, я не знаю, какая связь между тобой и многогранниками, но тебе нужно будет поработать с ними. – Уставившись мне в глаза, он повторил: – Нужно. Понимаешь?

– Понимаю, Рихард, – я скривился в притворной улыбке. Остывающий кофе всё ещё приятно грел руки.

– Так что с теми парнями, которые взялись поработать с вашей находкой?

Поняв мою иронию, военный поспешил ответить:

– Центр готовил тебя к этой работе, Влад. Ну, вот не знаю почему. Но уверен, у тебя получится. Ты же не какой-то морпех. И потом, ты же каким-то странным для меня образом связан с додекаэдрами!

Я пристально взглянул в глаза офицеру. Бишоф не выдержал и снова откинулся на спинку кресла.

– Рихард, а что я ещё говорил в бреду? Вы же, как я понимаю, всё записали. Не так ли?

– Да... – отмахнулся штабист. – Нес какую-то чепуху. Ничего такого. Вспоминал Карлсруэ разве что. Ну... – агент отвел взгляд в сторону. – Ты прости. Если тебе интересно. Анастасию свою вспоминал.

В сердце ёкнуло. К горлу подкатил ком. Желание покурить вернулось с удвоенной силой. «Ход с Настей» был в этом диалоге однозначно неверным.

– Похоже, нет ничего в моей жизни, что не было бы известно в Центре, – предположил я. – Не могу сказать, что мне это приятно.

– По-человечески понимаю тебя, Влад. Но давай всё-таки вернёмся к делу.

Шмыгнув носом, Бишоф уставился на меня. Взгляд серых глаз офицера стал вдруг каким-то рассеянным и усталым, и даже в какой-то момент показалось, что в нём читалась мольба.

– Завтра тебе нужно поработать с одним из объектов, – хрипотца в его голосе оголилась. – Если сказать с юмором, то посидеть какое-то время в кресле в компании с этой штукой и мыслефоном. Инструкции тебе будут предоставлены сегодня же. Что скажешь?

– А что я могу сказать? Нужно ведь, – округлил глаза я, протянув фразу с неприкрытым сарказмом, опуская голос до шепота.

Окинув меня холодным взглядом, офицер вдруг захохотал:

– А ты, блин, интересный человек! Однозначно мне нравишься.

Растянувшись в добродушно-лукавой улыбке, Бишоф, как бы невзначай, опустил руки под стол и скрестил свои

массивные пальцы у себя на животе. И хотя он постарался, чтобы движение его рук осталось для меня незамеченным, в поле моего периферийного зрения попал странный факт: офицер, сомкнул большие пальцы таким образом, что положение его рук сформировало замкнутый круг мудры «Черепаша»¹⁰! Похоже, генерал-майор был хорошо знаком с ритуальной практикой тантризма, и сейчас ощущал усталость. Или, возможно, дала знать о себе дисфункциональность сердечнососудистой, раз замкнул основы всех ручных меридианов, предотвращая утечку своей энергии. «Или чем-то напуган! – словил я себя на мысли. – Или кем-то?»

– Давай сделаем так, – наклонился вперёд офицер. – Ты пока отдохни после перелёта, загляни в столовый отсек, да и перевари те сведения, которые ты сегодня получил, хотя это всего лишь маленькая толика того, что тебе нужно знать. Работа непростая. Но вот именно сейчас её обсуждать, Влад, – Бишоф, ухмыльнувшись, прищурил левый глаз, – боюсь, ты пока не готов. А я часам к шести вечера сброшу тебе ряд файлов, с которыми рекомендую тебе ознакомиться. Ну и, конечно же, инструкции для работы с двенадцатигранником. Идет?

Я поставил полупустую чашку на стол и, помедлив с ответом, кивнул.

¹⁰ Мудра – в йоге и ритуальной практике тантризма применяются в качестве магических приемов, помогающих адепту сохранить энергию и уберечься от потенциального зла.

– Ну да ладно, – начал заканчивать разговор штабист. – Мне нужен будет завтра вечером твой отчет. Иди, отдыхай. Кстати, в столовой сегодня есть мясной рулет и хороший коньяк. И... Если возникнут вопросы, то отложи их до завтра. Договорились?

– Да, – ответил я, поднимаясь со своего кресла.

Направляясь к выходу из кабинета военного, я остановился у двери и, обернувшись, спросил:

– Генерал-майор, а Вы? Верите в ангелов?

Лицо Бишофа приняло странное выражение. Поднявшись, с шумом отодвинув кресло, он уставился на меня невидящим взглядом.

– В своём первом полете Гагарин их видел, – отстранённо пробормотал он. – А вчера их видел я!

Глава III

13.07.2025. Секретная Международная космическая станция «Горизонт»

«Электрический стул, разве что не металлический», – таковой была первая мысль, которая посетила меня при взгляде на кресло с крепежами на рельсах. Спланировав в условиях невесомости в дверной проём, я оказался в наблюдательном отсеке лаборатории №3. Я огляделся. Рядом с чёрным креслом – небольшая коммутационная консоль с коробкой мыслетфона компании «Neuralink», несколько видеокамер и монитор внутренней видеосвязи – вот и всё техническое оснащение помещения, залитого ярким галогенным светом. Покоящийся на небольшой высоте от пола перед стулом додекаэдр, размером с крупное яблоко, притягивал к себе взгляд. Полупрозрачный, с каким-то матово-серебристым отливом, он казался живым и притаившимся. Возникло странное ощущение, что если я осмелюсь сделать ещё одно движение в сторону таинственного тела, потревожив его покой, из двенадцати граней вырвется нечто – какой-то световой луч, пламя или ещё Бог невесть что, и поразит меня насквозь, испепелив тело. Но ничего не происходило. Я парил, ждал и додекаэдр.

Наконец, мягко оттолкнувшись рукой от стены, я сплани-

ровал к креслу, не выпуская из поля зрения многогранник. Невесомость для планируемой работы была очень некстати – чувствовалась некоторая ватность в ушах и какое-то лёгкое ощущение распухания головы. Устроившись в кресле, я застегнул крепежи и ещё раз взглянул на теперь казавшийся нереальным двенадцатигранник. Страх не было. Прежнего изумления тоже. Геометрическое тело безмятежно покоилось в пространстве на расстоянии вытянутой руки. Что же ты такое? Откуда ты?.. Одновременно с этими мыслями зажёгся экран монитора.

– Ну что, Влад? Приступим? – взволнованный голос Бишофа и покрасневшие глаза говорили о том, что генерал-майор провёл бессонную ночь. – Делай всё по инструкции. И... Не переживай, сломать его не удастся.

– Ну конечно. Все по инструкции, – равнодушно ответил я.

– Ну... – штабист уже знакомо пожевал губами. – Удачи, Влад!

Я не ответил. Налепив на виски присоски датчиков, я включил мыслefon. Первая же моя мысль отобразилась на дисплее строкой бегущих цифр. Протянув правую руку вперед, казавшуюся из-за невесомости удивительно лёгкой, я коснулся двенадцатигранника. Додекаэдр загорелся матовой, тёплой и ласкающей глаз люминесцентной сиренью. В какой-то момент даже показалось, что он стал излучать тепло. Осторожно подтолкнув его пальцами к себе, я принял

тело в свои ладони, которые засветились таким же волшебным фиолетовым светом. Удивительно, но двенадцатигранник был абсолютно неосязаемым! Тем не менее, он послушно крутился в руках, как самый обычный земной предмет! Полюбовавшись сказочной красотой свечения и покрутив додекаэдр в руках, немного поколебавшись, я нажал на одну из граней...

* * * * *

Устало пульсирующие фосфоресцирующие огни колдовского зелёного цвета наконец зависли в блекнущем небе над ближайшими скалистыми отрогами, то показываясь, то исчезая в клочьях туч. Заходящее полярное солнце катилось слева, над самым гребнем хребта, тускло освещая сквозь завесу снежную равнину, окрашивая её в красноватый цвет. Общая картина снеговой пустыни и таинственных огней в холодном небе была пугающей, но в то же время поразительной, приковывала к себе взгляд. Изучение огней в бинокль всё также не приносило желаемой определенности. Серые клоки низких туч, опускающиеся на чёрные, не укрытые снежным одеялом гребни хребта, мешали их разглядеть. А тут ещё усилился ледяной поток ветра, и зарядил мелкий колючий снег.

Опустив бинокль, оберштурмфюрер СС Франц Штейгер взглянул на молодого бойца, сидящего позади на санях

с упряжкой собак. Солдат с тем же знакомым внутренним напряжением всматривался в мерцающие за пеленой туч таинственные огни. На левом рукаве эсесмана красовался шеврон с символикой двенадцатой танковой дивизии СС «Гитлерюгенд». Парню едва ли стукнуло семнадцать. И каким лихим ветром его занесло на этот замерзший и забытый Богом континент? Оберштурмфюрер усмехнулся своим мыслям. Ещё в сороковом по приказу высшего партийного руководства Третьего Рейха в Новую Швабию были тайно переправлены несколько десятков инженеров, строителей и других специалистов различных профессий для строительства «Нового Берлина» – подземного города с заводами по переработке полезных ископаемых, лабораториями для биогенетических экспериментов, инфраструктурой, способной обеспечить жизнедеятельность значительных масс людей. В Антарктиду было доставлено горнопроходческое оборудование, рельсовые дороги, вагонетки и прочая техника для прокладки тоннелей. И уже в апреле прошлого года на ледяной материк были переправлены тысячи узников концлагерей, способных к тяжёлому физическому труду. А в ноябре того же сорок второго база уже встречала лучших учёных, летчиков, обслуживающий персонал, а также молодых парней из гитлерюгенд, призванных стать генофондом «чистой расы»¹¹. Чистая раса... Ироническая ухмылка исказила суровое лицо оберштурмфюрера. По мнению Генриха Гимм-

¹¹ Источник информации: <http://www.base211.ru/?mn=def&mns=la63gnp6cyji>

лера и Рудольфа Гесса, чистую арийскую расу можно воспитать в условиях изолированных колоний, расположенных в северных и даже полярных районах. Вот какой ветер занёс этого голубоглазого, с ещё не померкнувшей во взгляде юношеской наивностью, жизнерадостного парня в эту безжизненную холодную пустыню.

Тем временем погода ухудшалась. Северный ветер прихлопнул тяжёлые снежные тучи, и те скрыли своими рваными клочьями хребет. Тусклое полярное солнце почти растворилось в клубящейся массе, оставляя разведчиков один на один со сгущающимися холодными сумерками. Ветер же стал настойчивее бросать в военных горсти сухих снежинок.

– Что со связью? Удалось установить? – спросил офицер молодого эсэсовца, звавшегося Мартином, натягивая на лицо маску. Холодный февральский ветер неприятно уколол щёки. Температура понижалась, и нужно было в срочном порядке принимать решение.

Ночные сумерки позднего лета быстро растекались по снежной равнине, растворяя в своих объятиях унылый антарктический пейзаж. И лишь только странные треугольники вдалеке, разбавляли своим светом синеватую акварель ночи.

Портативная УКВ-радиостанция «Фридрих» снова ответила прерывистым кашлем при очередных попытках рядового установить связь с базой.

– Ветер усиливается, герр оберштурмфюрер, – заметил

эсесман. – И собаки нервничают.

Мартин включил фонарь. Полярные псы, породы аляскинский маламут, действительно, пригнув хвосты, встревожено ёрзали в упряжке.

– Погаси пока свет. – Офицер взгляделся в сугтедь опустившийся ночи, разглядывая чернеющие силуэты стены ближайших отрогов, прихваченных снегом. – До базы при хорошей погоде и видимости около часа. Не вижу смысла в пустой трате сил наших собак. Укроемся до утра возле тех скал, и попробуем ещё раз связаться с базой. Зимняя палатка в санях. И пайок есть на два дня.

Вечный снег лежал в этих местах нетолстым слоем и накопился сугробами только вокруг естественных препятствий. Военные включили фонари – свет как будто добавил ночным краскам густоты, одновременно вырвав из темноты блеск глаз собак. Направив лучи фонарей в сторону каменной стены, разведчики быстро заскользили в санях в направлении разбросанных невдалеке скалистых холмов.

Пульсирующие фосфоресцирующие огни, зависшие двумя зелёными треугольниками в затянутом тучами ночном небе, казались посланниками потустороннего мира – настолько открывающаяся глазам двух эсесовцев картина была фантастической. Мозг отказывался находить объяснение увиденному. Разложив палатку в быстро найденной ложбине среди скал, оберштурмфюрер оставил юного сослуживца наедине с радиостанцией в надежде установить потерянную

ную связь с центром, а сам, надёжно укрывшись от ветра, устроился у скалы, направив бинокль в сторону таинственного свечения.

Предательская полутемень, тучи и снег, конечно же, не позволили мало-мальски хоть что-нибудь рассмотреть. Ясно было одно – застывшие фонари в небе, уложившиеся в два правильных треугольника, были внеземного происхождения. Или Советы разработали принципиально новые летательные аппараты, что, конечно же, было маловероятным, учитывая сложившуюся ситуацию на Восточном фронте – проигрышную для Сталинской империи (если верить последним скудным сводкам «пропагандистской машины Геббельса»). Да и что делать русской разведке на шестом континенте, принимая во внимание, что реализация проектов «Новая Швабия» и «Новый Берлин» имели самый высокий уровень секретности? К тому же, немецкий подводный флот был единовластным хозяином Атлантики. Стоп! Откуда у оберштурмфюрера – офицера среднего начальствующего состава – может быть такая уверенность? Но, в любом случае, зелёные огни над хребтом вдали не могли принадлежать аппаратам ни Иванов, ни Томми, ни даже Янки.

Между тем, над утонувшими во тьме февральской ночи отрогами хребта что-то происходило. Внеземные светила забились в лихорадочной пульсации яркого света. Укрытые снегом пологие вершины хребта тут же украсились зеленоватыми пятнами. Около трёх минут длилось это феерическое

представление, как вдруг небо над хребтом прорезал ослепляющий столб «пламени», устремляясь куда-то внутрь отрогов. С задержкой в несколько секунд послышался приглушённый вибрирующий низкочастотный гул. Выливая струящийся фонтан света в единый поток, треугольники несколько сблизились и...

И представление закончилось так же мгновенно, как и началось. Мрак ночи рванулся на свои прежние позиции с удвоенными силами (по крайней мере, так показалось оберштурмфюреру после увиденной фантазмагии) и поглотил расстилающуюся перед отрогами равнину, как мифический Манегарм, жаждущий проглотить Луну¹². Светящиеся треугольники в один миг взмыли в далёкую высоту и исчезли в ночном небе. На этом световое шоу, поражающее воображение своей ирреальностью, закончилось. Плотные кулисы темноты закрылись.

Прошло ещё несколько минут, прежде чем офицер смог прийти в себя. Вернувшись взглядом и мыслью в реальность холодного бытия антарктической ночи, он попытался уложить в своём сознании факт увиденного, но безуспешно. Отвернувшись от пустоты равнины, ожившей от ветра, Штейгер наткнулся на своего юного сослуживца, едва не сбив его с ног в тяжёлой темноте. Мартин включил фонарь.

¹² В скандинавской мифологии, согласно преданиям о Рагнарёке (конце света), движение солнца и луны по небосводу объясняется тем, что за небесными светилами гонятся два чудовищных волка; тот, что преследует Солнце, зовется Сколл, а тот, что жаждет проглотить Месяц – Манегарм.

– Герр Штейгер. Что это было? – лицо рядового было перекошено от ужаса. – Вы видели? Что это было?

– Без паники, солдат.

Штейгер окинул взглядом не на шутку испуганного парня: учащённое дыхание, глаза, выкатившиеся из орбит, бегающий луч фонаря в дрожащих руках.

– Мартин... Я не знаю, что это было, – командиру стало жаль съёжившегося юношу, – но это точно не земное и... Оно ушло. Ты же сам видел. Пошли в палатку. Холодно здесь. Завтра доложим в Центр. – Офицер взял «трясущийся фонарь» и зашагал к ложбине, укрывающей палатку от ветра и снега.

Доложим в Центр? Доложим о чём? Как описать командованию Базы «Новый Берлин» увиденную картину? Вспышка демонического света и огни в небе?..

Ворох беспорядочных мыслей, как встревоженная стая птиц, разлетевшихся в разные стороны, мешал адекватно воспринимать сложившуюся ситуацию и трезво оценивать последствия завтрашнего раппорта, которые неминуемо последуют. Запечатлевшаяся в памяти, как на фотоплёнке, фантазмагорическая картина обескураживала и одновременно распахивала двери для вырвавшегося из глубин подсознания суеверного страха. Действительность, за которую судорожно цеплялся офицер, начинала таять и неумолимо растворяться в воскресших в памяти языческих мифах и преданиях, так любимых высшим руководством Третьего

Рейха.

Лихорадочный поток мыслей нарушил чертыхающийся Мартин, наступивший в темноте на собак (Штейгер уже и забыл о парне).

– Ты как? Мартин? Ты в порядке? – оберштурмфюрер направил луч фонаря на подошедшего эсесмана – юноша смотрел невидящим взглядом в сторону. – Эй, парень! Я тебя спрашиваю!

– Да, герр оберштурмфюрер. Кажется, да. Но...

– Что но? – Штейгер почувствовал слабые нотки раздражения. – Солдат, возьми себя в руки! Связь с базой получилось установить?

– Нет, герр оберштурмфюрер. Связи нет... Мы довольно далеко отошли от базы. И эти тучи...

– Привяжи собак подальше от палатки. Там, в глубине, среди камней, и дуй в свой спальный мешок. Приказ понял?

– Jawohl!¹³

Штейгер проводил засуетившегося эсесмана лучом фонаря, пока тот не привязал собак в указанном месте. Втащив оба спальных мешка в палатку, ещё раз окинул взором пошвыстывавшую ветром бездну равнины. Взгляд утонул в крошечной тьме. Никаких огней. Никаких вспышек. Забравшись в палатку, офицер подсел к радиостанции. Ожидаемый хриплый кашель и треск немного раздосадовал, но, с другой стороны, Штейгеру не хотелось сейчас ничего объяснять

¹³ Jawohl (нем.) – так точно / слушаюсь.

командованию, подыскивая нужные слова, которых у него не было, хотя служебный долг требовал оперативно сообщать обо всех подозрительных явлениях. Сейчас ему хотелось просто забыться в объятиях Морфея,¹⁴ что ему очень быстро удалось. Усталость, эмоциональная возбужденность, потеря контроля над реальностью навалились всей своей тяжестью, и заставили оберштурмфюрера провалиться в небытие.

Гусеницы среднего танка Panzer III увязли в снегу, который был почему-то скорее похожим на измятую бумагу, чем на недавно выпавший снег. Да и на ощупь он был, как только что выпавшие и разлетевшиеся в разные стороны листы рапорта из его полевой папки. Но Штейгер не придал этому никакого значения, так как все его мысли были заняты этим самым рапортом начальству. Кстати, а о чём собственно он рапортовал? Штейгер никак не мог вспомнить. Подняв голову и взглянув в ультрамариновую необъятную высь, он удивился потрясающей глубине летнего неба. Так глубоко. И тепло. Почему он раньше никогда не обращал внимания на изумительную красоту небосвода над головой? А вон, где-то в синеве, парит крупная белая чайка... С какими-то странными мерцающими треугольниками на груди...

– Франц. Для чего ты здесь? – вдруг спросил детский девичий голос.

¹⁴ В греческой мифологии – божество сновидений.

Штейгер опустил и голову и...

Никого не увидел перед собой, кому бы мог принадлежать вопрос и этот детский голос. Обернувшись, он увидел маленькую девочку с букетиком полевых цветов – девочка увлечённо перебирала цветы в своих беленьких ручках, склонившись над букетом.

– Для чего ты здесь? Франц? – Её взгляд оказался не по её возрасту тяжёлым и серьёзным. – Франц? – голос вдруг преобразился и затрещал, как радиоприёмник, который настраивают на искомую волну.

Открыв глаза, офицер рывком приподнялся на локте, пытаясь понять происходящее, а главное – где он в данный момент находится. Зрение постепенно привыкало к темноте, из которой стали проступать силуэты вещей, уложенных в палатке, но перед глазами всё ещё была леденящая душу девочка с букетом и... это бездонное чистое небо! Вот так сон!..

Штейгер, не расстёгивая спальник, принял сидячее положение и потянулся рукой в сторону спящего Мартина. Рука наткнулась на расстёгнутый и пустой спальный мешок. Мартина в палатке не было! Сжав в недоумении пуховое одеяло мешка, офицер буравил взглядом темноту. К горлу подкатился ком. И хотя ещё веских причин для беспокойства, как такового, не было, – парень мог просто выйти по нужде, – он решил, что с него на сегодня хватит. Отдавшись всецело во власть накатившей смеси из раздражения, злости и страха

одновременно, он остервенело дёрнул собачку молнии, растёгивая спальник и желая задать рядовому хорошей взбучки, как вдруг хрюкнул радиопередатчик.

– Франц, для чего ты здесь? – «Фридрих» выдавил из своего динамика голос из сна, искажённый радиопомехами.

Оберштурмфюрер, цепенея, медленно повернул голову в сторону включившегося радиопередатчика. Сердце бешено заколотилось, и зазвенело в ушах. Плеснувший невидимой волной гнетущий страх холодным спазмом в момент сдавил грудь. Голос из динамика не мог быть слуховой галлюцинацией: «Фридрих» шипел, оставаясь в рабочем режиме. На сон весь этот кошмарный бред тоже не был похож: Штейгер явственно ощущал запах керосиновой горелки и обволакивающий лицо холодный воздух в палатке.

– Франц?! – «Фридрих» издевался.

Едва удерживая рассудок в сознании, офицер СС судорожно натянул меховые рукавицы и яры, накинул капюшон и выскочил из палатки. Брызнувший пылью снежинок морозный воздух быстро остудил разгорячённое сознание офицера. Пощипывающий лицо холод летней антарктической ночи отрезвлял и приводил мысли в порядок. Небо немного очистилось, проглядывали искры звёзд. Оглядевшись по сторонам вокруг палатки, Штейгер не сразу заметил в сумраке отсутствие собак и уводящий из ложбины свежий след меховых сапог рядового. По какой причине отвязались собаки, что парню пришлось уйти за ними? Цепене-

ющий страх снова напомнил о себе. Да что же здесь, в конце концов, происходит!?! Мысли снова приобрели панический характер, разлетаясь в разные стороны. Бросившись бежать из ложбины по следу товарища, Штейгер выскочил, огибая разбросанные заснеженные массы камней, на равнину и... Остановившись как вкопанный, уткнулся взглядом в Нечто.

Оно излучало мягкий, мерцающий зелёным, свет и висело в нескольких метрах над землёй. Определить размеры зависшего в воздухе Нечто не представлялось возможным из-за изливающихся потоков света, который слепил после пребывания в темноте. Но, судя по размерам лучившегося поля, Нечто было огромным. Отступив на несколько шагов назад к ложбине, которые дались со значительным трудом из-за вдруг ставших ватными ног, Штейгер, наконец, увидел Мартина. Юноша стоял лицом к стене света всего лишь в нескольких шагах от нависшей над ним массы. Задрав голову кверху и уронив нижнюю челюсть, он был похож на мастерски вырубленную в камне статую, которой скульптор, дурачась, придал не совсем естественную позу.

Перед глазами поплыли круги. Неосознанно офицер потянул обе руки к лицу, чтобы протереть глаза. Бредовый сон или вот так сходят с ума? Отняв руки от глаз и снова взглянув на сверкающее Нечто, он с запозданием в несколько секунд понял, что Мартина уже не было на прежнем месте. Его не было нигде. Просто исчез, без единого шума, ни оставив и намека на какие-нибудь следы своего недавнего

пробывания в этом злополучном месте. Ни демонстративного хлопка! Ни фейерверка! Ни других фокусов! Испарившийся мираж! Сделав неуверенный шаг назад, Штейгер попытался, с трудом преодолевая ватность собственных ног. «Быстрее! Быстрее!» – крутилось у него в голове. Но с каждым шагом назад, к спасительной ложбине, ноги наливались слабостью. Спрятаться в палатку! Ничего этого не видеть! Проснуться от кошмарного сна! Бежать без оглядки куда-нибудь, лишь бы подальше от этого ужасного видения!

«Франц. Для чего ты здесь?» – в голове отчётливо прозвучал голос девочки из сна.

Штейгер упал на колени в снег, который, вопреки всем ожиданиям, не был холодным. «Бумажный снег из сна», – пронеслось у него в голове. Опустившись руками в ставшую эфемерной снежную массу, покрывающую мерзлую землю, оберштурмфюрер с трудом поднял голову, собирая в фокус зрение. Перед ним стояла девочка с букетом полевых цветов.

«Франц. Для чего ты здесь?» – Ни единый мускул на лице вопрошающей девочки не шелохнулся. – «Тебе это не нужно, Франц».

Но Штейгер уже не услышал ее. Офицер СС, рухнув лицом в неосязаемый снег, потерял сознание.

Глава IV

13.07.2025. Секретная Международная космическая станция «Горизонт»

Кто я? Я часто задавал себе такой вопрос. Но именно сейчас, в этой глухой темноте, он стал для меня тем библейским камнем преткновения, который, либо я перешагну, уверовав, либо до конца своих дней буду об него спотыкаться, так и не войдя в храм. Холод антарктической ночи медленно отступал. Откуда-то издалека, из пустоты бесчувствия, возвращалось ощущение своего тела и наполнение его тёплыми жизненными потоками. В свою очередь, и окутывающая меня темнота переставала быть беззвучной. Рядом кто-то ритмично, звонко икал.

Я приоткрыл глаза. Ослепляющий поток солнечных лучей бесцеремонно и напористо устремился в моё сознание, расплавляя последние куски льда в моём теле. Ошеломлённый ярким светом, и, не справившись с вдруг возникшей каменной тяжестью в глазах, я снова уронил веки, которые захлопнулись со странным щелчком. Собрав себя в единое целое, и окончательно скинув с себя оковы онемения, я с величайшим усилием снова открыл глаза. И... внешний мир вдруг вошёл в меня.

– Ну, вот и хорошо, герр доктор. Вы справились! – услы-

шал я незнакомый голос. – Как вы себя чувствуете?

Я приподнял голову. Справа материализовались два медика в белых халатах. Слева ритмично отбивал удары звуковой датчик мозговых импульсов – эти звонкие сигналы и показались мне в состоянии забытья икотой, наполнявшей последние минуты моего полусна.

– Нормально, – ответил автоматически. – Что со мной произошло?

– Потеря сознания. – Один из врачей, высокого роста, наклонился над панелью датчиков слева у кресла, положив на «язык» дисковод золотистый диск. Нажав что-то на панели кейборда, он внимательно посмотрел на меня.

– Ответьте на этот вопрос, пожалуйста. – Второй белый халат поднёс к глазам планшет с простой логической задачей. В речи врача слышался верхненемецкий акцент.

– Превращение не полное, – ответил я. – Демократическая страна не одобряет терроризм.

– Ну что же. Мы рады за вас, что всё обошлось, – похлопал меня по плечу первый медик. – Не спешите вставать пока.

– Сколько я был без сознания?

– Двенадцать минут, – с немецкой точностью ответил второй.

Сев в кресле (которое сначала мне показалось стоматологическим), я адресовал вопрос второму врачу:

– Я в медицинском корпусе, всё верно?

– Именно так, – улыбнулся рыжеволосый.

– Что именно произошло там, в зале, во время сеанса?

– Потеря сознания, мы же сказали вам.

– И всё?

– И всё. Двенадцать минут бессознательного состояния, из которых три вы пролежали с открытыми глазами. Зрачок был расширен. Активность мозга снижена. Вы это хотели знать?

Я пошевелил пальцами ног. Бессмысленность дальнейших расспросов была очевидной.

– Наверное. Простите, не спросил, как вас зовут?

– Доктор Альберт Дамиц. А это мой коллега – невропатолог, доктор Вацлав Хорак, – немец склонил голову в сторону своего рослого сотрудника средних лет. Как можно было заключить, исходя из озвученного имени, невропатолог был чехом.

– Я не ошибусь, если осмелюсь предположить, что вы из Баварии? У вас южно-немецкий акцент.

– Всё верно, – снова широко улыбнулся медик. – А теперь прошу простить меня. Должен вас покинуть.

Стеклянный портал выхода из палаты бесшумно распахнулся, и мешковатая фигура доктора Дамица так же бесшумно удалилась.

Я закрыл глаза. В темноте опущенных век вновь нарисовался унылый антарктический пейзаж, прожжённый студёным ветром, бросавшим в мои путанные мысли пригоршни колючих снежинок. Чем эти странные видения могли быть?

Куда перенеслось моё сознание? Или, может быть, астральное тело? Чем же был по своей сути додекаэдр? Машиной времени? Или чем-то большим? Ведь увиденные мной образы были такими реальными!

– А ты не на шутку напугал нас, Владислав! – вдруг я услышал над собой знакомый голос с хрипотцой.

Не открывая глаз, поняв, что в палату вошёл генерал-майор, я равнодушно осведомился:

– Чем же я вас так напугал, интересно? Вы первый раз проводите этот эксперимент?

Бишоф промолчал. Его стеснённость ощущалась кожей. Придвинув стул, офицер подсел ко мне. Смущённо кашлянув, Бишоф, наконец, выдавил из себя:

– Влад, не первый, но...

Я посмотрел ему в глаза:

– Что «но»?

– Такого случая в нашей практике ещё не было, – ответил вместо генерал-майора оставшийся в палате невропатолог.

Скосив в недоумении взгляд в сторону врача, я поинтересовался:

– А как обычно было в вашей практике?

Переглянувшись с офицером, медик, со свойственной специалистам своего ремесла бесстрастностью, сообщил:

– После того как вы активировали объект, вы сразу же отключились. Потеряли сознание. Активность мозга практически свелась к нулю. Мыслефон не сделал ни одной записи

после активации объекта.

– С морпехами было всё иначе, – вставил Бишоф.

Вацлав Хорак кивнул:

– Действительно. Ваш случай на сегодняшний день – исключительный. И, можно сказать, представляет научный интерес, герр доктор.

– Научный интерес? – Я расхохотался.

Возможно, мой неожиданный смех был неуместным и вызывал недоумение, но ситуация, в которую я попал, казалась мне такой нелепой, что сдержаться я не смог.

– Научный интерес? – снова проговорил я сквозь приступы смеха. – Под каким номером я у вас подопытный объект?

Мои «сослуживцы» в замешательстве уставились на меня.

– Владислав, ты всё неверно понял, – генерал-майор покачал головой. – Я с большим уважением к тебе отношусь как к учёному, как к спецагенту и как к личности. Пойми меня правильно. Идет межблоковая скрытая война. И за что именно, ты даже не представляешь. Даже я до конца не всё понимаю! Поэтому... – Бишоф тяжело вздохнул, разводя руками: – Жаль, что ещё одна попытка провалилась. А я ведь был уверен, что ты – именно тот человек, который справится! Мы тебя готовили... Но, в любом случае, я рад, что с тобой всё в порядке, – заключил офицер после секундной паузы.

Генерал-майор был искренен, я это чувствовал подсознательно, хотя его скупые эмоции плохо читались. Несомнен-

но, многое для меня было неизвестным, но закрытая и выжидательная позиция Центра и всех его представлявших субъектов порождала недоверие и, как минимум, сомнение в целесообразности дальнейшего сотрудничества. Безвыходность моего положения приобрела осязаемые черты. Что последовало бы за моим отказом? Я мысленно себе ухмыльнулся. Не нужно быть прорицателем и раскладывать карты Таро, чтобы понять, что повлечёт за собой мой отказ, после стольких лет работы над секретными материалами и уж тем более, после пребывания на секретной орбитальной станции. Но нужно самому себе признать – я прекрасно понимал, ещё там, в южноамериканской степи, в какие игры мне предстоит играть, приняв решение работать над проектом «Новый Берлин». И потом, даже если просто гипотетически предположить, что я смогу вернуться в Германию к своей прежней жизни университетского учёного, – смогу ли я смириться с тем фактом, что коснувшись тайн Третьего Рейха, я упустил возможность разгадать ребус подлинной истории XX века? Нет! И без вариантов. Дух учёного и жажда познания были во мне сильнее даже инстинкта самосохранения! Рубикон был пройден¹⁵

¹⁵ Значение фразеологизма: решительный, бесповоротный шаг, который изменяет в корне всю дальнейшую жизнь человека

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.